

Слезы застилали глаза Чу Ханьюэ. По сравнению с прежними видениями, это казалось пугающе отчетливым. Он вздрагивал от малейшего движения гостя, впиваясь ногтями в его плечи, — так глубоко, что он чувствовал податливую плоть.

Разум отчаянно твердил «нет», но он, поддаваясь манящему, дурманящему чувству, предательски откликнулся на ласку. Эта неспособность противостоять самому себе вызвала в нем лишь жгучую ненависть.

— Кто же ты такой? — выдавил он сквозь прерывистое дыхание. — Неужели мой внутренний демон?

Ханьюэ не верил, что подобные видения могут преследовать его без причины. Это было слишком абсурдно, слишком реально.

— Я не демон, — Цинь Фэн осторожно стер слезу в уголке его глаза и коснулся губами покрасневшего века. — Наша встреча предначертана свыше. Это воля небес.

— Опять воля небес... — Ханьюэ уже второй раз за день слышал эту фразу. — Мне не нужна такая участь.

— Говоришь, что не нужна, а сам становишься всё искуснее, — усмехнулся Цинь Фэн. — Правила секты вашей горы Юньцзянь слишком суровы, они душат человеческую природу. Иногда нужно давать себе волю.

Когда Чу Ханьюэ открыл глаза, солнце уже стояло высоко. Это была самая долгая ночь в его жизни. Он ожидал, что после подобных сновидений проснется разбитым, но, вопреки опасениям, тело было полно сил, а разум — чист. Внутри него текла мощная духовная энергия, мягкая, но властная. Она не вступала в конфликт с его собственными силами, а напротив, нежно сплеталась с ними, постепенно сливаясь в единый поток.

Если всё это было лишь плодом воображения, откуда взялся такой осязаемый прирост в совершенствовании?

Этот сон явно не был обычным. Ханьюэ поспешно сел и попытался совершить гадание на события прошлых двух ночей, но гексаграммы не дали ответа. Судьба оставалась сокрытой.

Он устало потер переносицу. «Без ответа... Неужели я и впрямь затаил порочные мысли о Бессмертном почтенном?» Сонный образ Хуаяна всё еще стоял перед глазами. Тот говорил, что Ханьюэ слишком долго подавлял свои чувства, и именно это привело к столь постыдным фантазиям. Но что, если Почтенный действительно являлся к нему? Иначе как объяснить чужую энергию в меридианах?

На горе Юньцзянь не было строгого обета безбрачия, но Чу Ханьюэ всегда стремился

подражать своему кумиру. Он подавлял любые проявления страсти, считая земную любовь чем-то недостойным и низменным.

Теперь же, если идеальный образ Почтенного в его голове померк, если тот на самом деле — реинкарнация демона похоти, пробравшаяся в его сны... Как смотреть ему в глаза? Если Хуаян не столь безупречен, сможет ли Ханьюэ и дальше почитать его?

Ханьюэ поднялся и замер перед портретом Хуаяна, вглядываясь в знакомые черты.

— Вы приходите только ко мне? — негромко спросил он у безмолвного свитка. — Или посещаете и чужие сны?

— Наставник! — в дверь постучали.

Цинь Фэн вошел в комнату и замер на пороге, увидев, как Чу Ханьюэ снимает портрет и сворачивает его. Сердце юноши дрогнуло.

— Наставник, зачем вы его убираете? Что случилось? — поспешно спросил он.

Ханьюэ, не поднимая глаз, спрятал свиток в шкаф.

— Зачем пришел?

— Я долго ждал, когда вы выйдете. Испугался, не заболели ли вы, и принес завтрак, — Цинь Фэн поставил поднос на стол и снова подошел к учителю. — Но всё же, почему вы сняли картину? Мы больше не будем ему поклоняться? Мне тоже убрать портрет из своей комнаты?

— Твоя комната... — Ханьюэ вспомнил, что сам отдал ему изображение Почтенного. Он внимательно посмотрел на лицо ученика. Тот был необычайно хорош собой, куда красивее обычных юношей его лет. — Тебе когда-нибудь снился Бессмертный почтенный?

Ханьюэ не на шутку встревожился: если этот «Почтенный» оскверняет еще и сны его ученика, он готов был лично вступить с ним в бой, чего бы это ни стоило.

— Никогда, — Цинь Фэн сразу понял, в чем причина гнева наставника. Нужно было срочно прояснить ситуацию. — Почтенный столь велик и благороден, с чего бы ему являться в мои сны? Мне кажется, если он и решит навестить кого-то, то лишь такого выдающегося человека, как вы, наставник.

Чу Ханьюэ нахмурился, чувствуя, как к щекам подступает жар от смущения.

— Ты закончил вчерашнее задание?

— Да, всё готово, — Цинь Фэн выудил из-за пазухи исписанные листы.

Ханьюэ пробежал глазами по строчкам. Почерк заметно улучшился.

— Неплохо, — одобрительно кивнул он. — Сейчас я научу тебя еще нескольким иероглифам. После этого собирайся. Завтра на рассвете мы отправляемся в путь.

Глубокой ночью, когда Цинь Фэн снова возник у кровати Чу Ханьюэ в облике Почтенного, тот уже не спал. Едва «гость» приблизился, Ханьюэ откинул одеяло и нанес стремительный удар мечом, целясь в шею незваного гостя.

Цинь Фэн молниеносно отпрянул и перехватил лезвие двумя пальцами. С легким усилием он вырвал оружие из рук Ханьюэ.

— К чему такая ярость сегодня? — усмехнулся он, обнимая наставника и прижимая его к себе.

— Отпусти... — прошептал Ханьюэ.

Едва этот человек коснулся его, силы покинули тело. Даже знакомый аромат, исходивший от него, будил в душе невольные желания. Чу Ханьюэ злился на себя: почему он так теряет контроль рядом с ним?

— Почему ты спрятал мой портрет? — Цинь Фэн начал неспешно развязывать пояс на его одежде, укладывая Ханьюэ на постель. — Неужели я тебе опостылел?

— Зачем... зачем вы так поступаете со мной? — Ханьюэ тяжело дышал, его взгляд затуманился, но он отчаянно пытался добиться ответа.

— Потому что ты мне нравишься, — Цинь Фэн прильнул к нему. — И дело не только в том, что ты единственный, кто может снять мою печать. Последние десять лет я каждый день слушал твою болтовню перед моим портретом. Ты казался мне необычайно забавным.

Ханьюэ вспыхнул еще сильнее. Он действительно привык изливать душу портрету, когда одиночество становилось невыносимым, но и помыслить не мог, что Почтенный на самом деле его слышит.

— А когда я увидел тебя в том сне, то влюбился с первого взгляда. Без всяких причин, — Цинь

Фэн ласково коснулся влажной от пота щеки наставника, хотя его дальнейшие движения были полны грубой страсти. — И теперь, когда я вижу, что ты тоже меня любишь... Знаешь ли ты, как я счастлив?

Ханьюэ почувствовал, как его ладонь прижали к груди собеседника. Сердце под пальцами билось мощно и часто — это не могло быть иллюзией.

Он отвернулся, пряча глаза.

— Кто сказал, что ты мне нравишься?

— Нет? — Цинь Фэн прищурился. — Тогда почему ты не гонишь меня?

— Я гнал! Сколько раз я пытался сопротивляться? — Ханьюэ гневно уставился на него, чувствуя, что тот продолжает свои вольности.

Цинь Фэн лишь лукаво улыбнулся:

— Ты сопротивляешься только на словах. Твое тело говорит об обратном.

— Ах ты!.. — Ханьюэ хотел было разразиться проклятиями, но вовремя вспомнил, КТО перед ним, и осекся.

— Значит, я всё это время ошибался? И я тебе противен? — Цинь Фэн сделал вид, что собирается встать. — Что ж, в таком случае я ухожу.

— Стой! — Ханьюэ невольно окликнул его. Он приподнялся и обхватил лицо Цинь Фэна ладонями, пристально всматриваясь в черты. — Ты действительно Бессмертный почтенный Хуаян? Это не плод моего воображения?

— Это сон, — Цинь Фэн перехватил его руки. — Но я в него вошел.

— Почему же ты приходишь только в снах? Почему не встретишься со мной наяву? — Ханьюэ всё еще терзали сомнения.

— Время еще не пришло. Когда ты совершишь вознесение, мы встретимся по-настоящему, — Цинь Фэн запечатлел поцелуй на его ладони. — На остальные вопросы я отвечу позже. А сейчас... давай закончим то, что начали.

Утро Чу Ханьюэ встретил с мрачным лицом. Сидя на кровати, он раздраженно постукивал себя по лбу, пытаясь вспомнить все ночные подробности. «О чем я только думал! Что я наговорил?!»

В снах чувства обострились настолько, что он терял над ними власть. Он ненавидел себя за эту ночную распущенность. Не в силах больше смотреть на священные изображения, Ханьюэ сгреб все фигурки божеств со стола и запер их в шкафу. Видеть их сейчас было выше его сил.

Когда в дверь постучал Цинь Фэн, он застал наставника в самом дурном расположении духа. Юноша не понимал, что произошло: ночью всё было так чудесно, а утром учитель выглядел так, словно готов совершить убийство.

— Наставник, я собрался. Когда выезжаем? — заглянул он в комнату.

Ханьюэ смерил его ледяным взглядом:

— Вчерашнее задание выполнил?

— Конечно, — Цинь Фэн протянул листки. На этот раз он старательно вывел иероглифы — ровно и аккуратно, сохранив лишь легкий налет детской неумелости.

Он ожидал похвалы, но Ханьюэ лишь небрежно бросил бумаги на стол.

— И это всё? Я сказал написать — и ты просто написал? А повторить пройденное за позавчерашний день не догадался?

Цинь Фэн опешил.

— Если будешь зазубривать только то, что дают сегодня, в голове ничего не останется, — Ханьюэ разочарованно покачал головой. — Впрочем, чего я жду. Ты не слишком сообразителен, вряд ли понимаешь, о чем я.

Цинь Фэна давно так не отчитывали. Еще до того, как стать богом, он всегда был лучшим учеником, которого ставили в пример остальным. Но раз уж он сам выбрал роль безграмотного мальчишки, приходилось терпеть.

— Вы правы, наставник, — он покорно забрал листы. — Я обязательно всё повторю и наверстаю. Не гневайтесь, нам скоро в путь.

Чу Ханьюэ еще не обучал ученика полетам на мече, поэтому спускаться с горы пришлось верхом. Однако Цинь Фэн заявил, что боится лошадей и не умеет держаться в седле, умоляя разрешить ему ехать вместе с учителем. Делать было нечего, и Ханьюэ пришлось уступить.

Устроившись в седле, Цинь Фэн обернулся к наставнику:

— Наставник, можно мне держаться за вашу руку? Я боюсь упасть.

Ханьюэ одарил его коротким ледяным взглядом:

— Сколько хлопот... Может, тебе лучше остаться? Запру тебя в комнате с заданием на неделю, пока не вернусь и не проверю.

Цинь Фэн тут же неловко рассмеялся:

— Что вы, наставник! Мне уже совсем не страшно.

<http://bllate.org/book/17570/1657034>